Культ Вечной Женственности в жизнетворческой парадигме Эллиса

В 1903 г. при непосредственном участии Эллиса был организован кружок «аргонавтов», определивший во многом основные черты русского младосимволизма¹. Именно Эллис придумал его название, отсылающее к древнегреческому мифу о путешествии за золотым руном. Основу кружка составили А. Белый, А. С. Петровский, В. В. Владимиров, С. М. Соловьев. По точной формулировке А. В. Лаврова, «ощущение "конца века" и чувство "рубежа", за которым должно открыться "все новое", были основными объединяющими мотивами в формировании этого сообщества. <...> Цель "аргонавта", достижение которой приобретает эсхатологический смысл, — пересоздать мир по возникающей в его сознании идеальной модели» [Лавров 1978: 140].

Краеугольными камнями философско-эстетической концепции кружка явились образы Ф. Ницше и Вл. Соловьева:

Возвестивший о «конце всемирной истории», предстоящей катастрофе, сокрушительной для существующего мира зла, разобщенности и эгоизма, Соловьев заставил «аргонавтов» поверить в истинность их «мистических зовов». <...> Заветы и откровения Соловьева, его прорицания о скором исполнении эсхатологических сроков, борьбе с «антихристом», за которой последует мистерия окончательного гармонического соединения земного и небесного начал, породили тематику «аргонавтических» медитаций [Лавров 1978: 142].

Своеобразным итогом деятельности кружка «аргонавтов» явились два литературно-философских сборника «Свободная совесть», в предисловии к первому из которых авторы провозглашали Вл. Соловьева своим предшественником и соратником².

¹ Наиболее полно деятельность кружка освещена в работах А. В. Лаврова [см.: Лавров 1978; Лавров 1995].

² «Вместе с Вл. Соловьевым мы полагаем, что христианская истина, не отрекаясь от себя, может воспользоваться всеми произведениями ума, может сочетать веру религиозную со свободною философскою мыслью» [Свободная совесть 1906: 6/н].

Среди философских идей Вл. Соловьева у «аргонавтов» особый интерес вызывала идея о Софии — Премудрости Божьей, воспринятая «младшими» символистами также в контексте эсхатологического мифа. Связь между героиней стихов о Вечной Женственности Вл. Соловьева и Беатриче Данте очевидна, однако не столь однозначна, как о том часто говорили некоторые современники русского философа³. Довольно четкую границу между ними провел С. Н. Булгаков:

Беатриче (как и Лаура) есть определенная земная женщина, отошедшая из этого мира и раскрывшая верующей любви ее небесное содержание. Эта любовь софийна в высочайшей степени. Беатриче есть для Данте воплощение или лик Софии, и однако все же не есть София. Она имеет определенную земную биографию, которая продолжается в небесах [Булгаков 1918: 96—97].

Именно земное происхождение Беатриче, по мысли Булгакова, и определяет разницу между ней и Вечной Женственностью поэзии Вл. Соловьева, которая является не отражением софийности, а непосредственно Софией, Душой Мира [см.: Асоян 1990: 129—130].

Свое понимание этого вопроса Эллис высказал в статье «Венец Данте», опубликованной во втором сборнике «Свободной совести». Трактовка образа Беатриче, представленная там, ориентирована на Софию Вл. Соловьева, а в некоторых фрагментах текста практически отождествляема с ней.

Однако позже, в книге стихов Эллиса «Stigmata», центральное место занял ортодоксально-католический образ Вечной Женственности — Девы Марии, а образ Беатриче оказался близок к тому пониманию о «Божественной комедии», которое представил Булгаков. В своей конечной форме мифологема Вечной Женственности в поэзии Эллиса реализована в виде триады «Беатриче — Дева Мария — София», где Беатриче выступает земным воплощением Девы Марии, идеалом любви, чистоты и безгрешности⁴.

³ См., например: Бокадоров 1912: 62.

⁴ Подробнее об этом см.: Глуховская 2010: 215—222.

Кружок «аргонавтов» не только обозначил эстетические ориентиры Эллиса, но и провозгласил отношение к жизни, как к тексту, выстраиваемому по символистским законам жизнетворчества:

.....

«Аргонавты» возвестили о «жизнетворчестве» как своей основной, принципиальной задаче, которая и породила коллективные устремления к мифизации обыденного бытия, человеческих отношений, художественной деятельности [Лавров 1978: 137].

Роль Вл. Соловьева в этом аспекте для Эллиса явилась едва ли не решающей.

Ф. Б. Поляков в статье «Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского)» [см.: Поляков 1998] убедительно доказывает, что именно Вл. Соловьев определил жизнетворческую парадигму поведения Эллиса, окончательно сформировавшуюся в заграничный период жизни. На примере переводческой, общественной и религиозной деятельности Эллиса исследователь показывает, как поэт переносит соловьевский миф в свой собственный биографический текст:

Воспринимая себя его (Вл. Соловьева. — E. Γ) учеником и последователем, Эллис сумел придать воздействию его личности жизнетворческий потенциал. Он не только предстает интерпретатором и переводчиком <...> сочинений Соловьева на немецкий, но и стремится модифицировать диалог между Западом и Востоком, создав сориентированный на Соловьева новый культурный код общения [Поляков 1998: 135].

В этом контексте идея Вечной Женственности также не могла быть оставлена в стороне, а попытки ее освоения начались еще в доэмигрантский период жизни Эллиса.

Из известных нам биографических материалов, имеющих отношение к личной жизни Эллиса, следует, что впервые попытка осмысления роли женщины в мире предпринята им в «Дневнике 1905 г.» [см.: Эллис 2003: 333—349]. В это время Эллис переживает любовную драму с некой N., а потому пытается найти объяснения

своим неудачам, разобраться в особенностях любовного чувства и сформулировать свое отношение к женщине. Высшей формой любви, по Эллису, является «мистическая, сверхчувственная любовь» [Эллис 2003: 336], которая «стремится превратиться либо в ощущение бесконечности, либо в "великое Ничто"!» [Эллис 2003: 336]. Страстная земная любовь способна погубить душу, а брак, в котором, в представлении Эллиса, любовь в принципе невозможна, приравнивается им к «проституции оптом» [Эллис 2003: 344]. В этой бездне, разделяющей высшую мистическую любовь от той, с которой сталкивается Эллис в жизни, и заключена трагедия его души:

......

Что касается женщин, я не могу даже говорить с ними... Почему? Потому, что, лишь дело доходит до моего «святого святых», я чувствую их ироническое удивление — их непонимание. Есть ли у них души?! Прав был Бодлэр, отдавший предпочтение публичным женщинам перед всеми другими!

Но я не способен понять даже этих «женщин», ибо образ Беатриче неизгладим в моей душе... [Эллис 2003: 341].

Подобные мысли Эллис высказывал и в недатированной записной тетради [см.: НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22], относящейся примерно к этому же периоду времени. Эллис выделял два типа женщины:

- 1) Женщина Мадонна, ангел.
- Женщина-телесная Мечта.
- 2) Женщина = Жрица любви [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. xp. 22: 4].

Брак, по мысли Эллиса, «находится посередине — поэтому он — банален <нрзб.> преступен», «он стирает личность» [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22: 4].

Беатриче вновь провозглашается поэтом как эталон женщины и порождаемой ею любви:

Все-таки в любви единственное важное и ценное — мечта. Опьянение в страсти, сжигая плоть, зажигает мгновенно мечту. Чистый культ Беатриче — сжигая сердце — родит потаенную грезу. Все остальное для свиней и собак! [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22: 6 об.]

......

Незадолго до отъезда из России Эллис в письме к М. И. Сизовой предпринял попытку подвести итог своей жизни и поисков идеальной любви. В его формулировках отчетливо звучит отсылка к соловьевскому мифу о встрече с Софией:

Мне 33-й год, погибла молодость, свежесть духа, непосредственность и вера в возможность счастья. <...> Я знаю, что в самом лучшем случае мое отношение к Нине может дать мне искорку света и кусочек счастья, дать то, без чего жить окончательно немыслимо, но я не могу забыть того, о какой великой любви я мечтал так долго, так безысходно, так смешно, так неразумно. «Встречи» мне суждено не было, все сроки прошли, были одни ошибки <...> Все лучшее и совершенно чистое у меня связано с Вами. Я не нашел жены, но я нашел cecmpy именно в Вас. И за это я благодарю судьбу [РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 44: 1-2].

Именно Сизова в последние годы «московской» жизни Эллиса являлась тем недостижимым идеалом, к которому он так стремился. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится довольно обширный корпус их переписки, который наглядно демонстрирует, как происходил процесс мифологизации образа Сизовой в сознании Эллиса и придание ей черт дантовской Беатриче⁷. Эта мифологема прочно закрепилась за ней в восприятии современников, превратившись в сознательную мифотворческую интерпретацию. Так, например, А. И. Цветаева в «Воспоминаниях» называет Сизову «Беатриче Эллиса» [Цветаева 2008: 429], а М. В. Сабашникова в своих мемуарах «Зеленая змея» так описывает встречу Эллиса и Сизовой в Германии:

⁵ Сизова М. И. (1899—1969) — антропософка, литератор, близкая подруга Эллиса. Впоследствии — жена В. М. Викентьева.

 $^{^6}$ Возможно, имеется в виду Н. П. Боброва, сестра поэта С. П. Боброва. Ее три письма к Эллису хранятся в РГАЛИ [см.: РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1, Ед. хр. 28].

⁷ Письма Эллиса Сизовой по своему формату и отраженным в них особенностям эпохи стоят в одном ряду с письмами А. Белого М. К. Морозовой, А. Блока Л. Д. Менделеевой. Подробнее о них см.: Лавров, Малмстад 2006; Берендеева 2010.

Эллис уже приехал из Берлина, он годами боготворил Марию С. как свою Беатриче, а она приехала сюда в сопровождении Викентьева, как его невеста. Эллис вне себя. Он говорил о своем горе со Штейнером, убеждая его, что «она предназначена ему Провидением» [Волошина 1993: 204].

......

В письме к Э. К. Метнеру сам Эллис объяснял произошедшее следующим образом:

В инциденте с М. Сизовой Вы ровно ничего не понимаете, к сожалению. Но Вы должны же верить мне (я с Вами абсолютно откровенен), что причина моего безумного протеста бесконечно-глубока и далека от всего чувственного, личного и всякой влюбленности (розовых ручек и т. д.), к<ото>рым не место около Мейстера. Довольствуйтесь тем, что Д<окто>р лично сказал мне, что я связан с ней в прежней инкарнации и что эта связь имеет отношение к эзотеризму. Только это между нами совершенно. <...> Верьте, что я искал всегда у женщин воспоминаний о Рае Небесном или благоухающего Ада, глумясь над системой конституционной страсти и двупостельной мистерии брака. Теперь всякий Ад мне далек [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 65: 1].

В конце концов свой женский идеал Эллис нашел в лице одной из ближайших учениц Р. Штейнера — Иоганны ван дер Мойлен 8 :

То, что искал я прежде, то нашел около Учителя, встретил здесь женщину, чуждую всяких браков, постелей и розовых ручек, но ясновидящую и спасшую меня от безумия <...> Прекрасная Дама, которая помнит меня в прежней инкарнации, именно в средневековой [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 65: 1].

Сведений о жизни Иоганны ван дер Мойлен немного. Известно, что она родилась в Амстердаме, в знатной и богатой семье; отец ее был судьей, и денежные средства из семейного фонда оказались позже единственным источником их совместного существования с Эллисом. Она была убежденной антропософкой и одной из ближайших учениц Штейнера. По поручению Доктора весной 1912 г. она сблизилась с Эллисом с целью помогать ему

⁸ Иоганна ван дер Мойлен (Johanna van der Meulen) (?—1959) — урожденная голландка, ученица Р. Штейнера, с 1912 г. близкая подруга и спутница Эллиса.

в оккультной работе и следить за его душевным состоянием. Однако вскоре Эллис разочаровался в антропософии и отошел от Штейнера, а Иоганна ван дер Мойлен последовала за ним. В 1919 г. они поселились в Локарно в ее доме, и до самой смерти Эллиса она оставалась его спутницей и ближайшей духовной подругой, отношения с которой носили чисто платонический характер [см.: Виллих, Козьменко 1993: 61—69].

Таким образом, выступая в сборнике стихов «Stigmata» певцом Девы Марии, в жизни Эллис искал ее отражение, свою Беатриче. Культ Данте в творчестве Эллиса выступил миромоделирующей основой жизнетворческой концепции поэта, определив его отношение к любви и женщинам, явившееся одним из отголосков идеи о Вечной Женственности.

СОКРАЩЕНИЯ

Асоян 2000 — *Асоян А. А.* «Почтите высочайшего поэта...»: Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990.

Берендеева 2010 — *Берендеева И. А.* Стратегия и практика жизнетворчества в эпистолярном наследии А. Блока 1900-х годов (на материале писем к Л. Д. Менделеевой и А. Белому): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010.

Бокадоров 1912 — *Бокадоров Н. К.* История западноевропейской литературы эпохи Возрождения (XIV и XV вв.). Киев, 1912.

Булгаков 1918 — *Булгаков С.* Тихие думы: Из статей 1911-1915 гг. М., 1918.

Виллих, Козьменко 1993 — Виллих Х., Козьменко М. В. Творческий путь Эллиса за рубежом // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 53. № 1. С. 61—69.

Волошина 1993 — Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993.

Глуховская 2010 — Глуховская E. A. K вопросу о Вечной Женственности у русских символистов (на примере поэзии Эллиса) // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы

на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикиркко) Лен. обл., 2010.

......

Лавров 1978 — *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 137—170.

Лавров 1995 — *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 109—112.

Лавров, Малмстад 2006 — Лавров А. В., Малмстад Дж. «Прекрасная Дама» Андрея Белого // Белый А. «Ваш рыцарь»: Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928 / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2006. С. 3—32.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Поляков 1998 — Поляков Ф. Б. Чародей, рыцарь, монах. Биографические масти Эллиса (Льва Кобылинского) // Lebenskunst — Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII—XX вв. Munchen, 1998. С. 125—139.

 $P\Gamma A \Pi M$ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Свободная совесть 1906 — Свободная совесть: литературно-философский сборник. М., 1906. Кн. 1.

Цветаева 2008 — *Цветаева А. И.* Воспоминания. М., 2008. Кн. 1.

Эллис 2003 — Эллис. Из творческого наследия: Дневник 1905 г. / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 333—349.